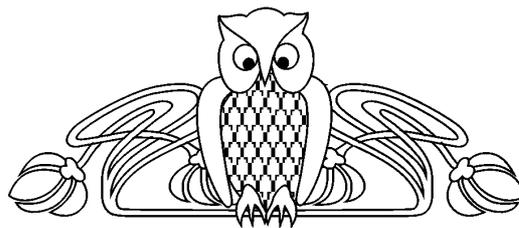




УДК 821.161.1.09-2-3+929[Белинский+Чехов+Тургенев]

«Он очень хороший писатель. А как он про любовь писал!»: Читатели-персонажи А. П. Чехова об И. С. Тургеневе



В. В. Прозоров

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, prozorov@sgu.ru

В статье представлена широкая панорама устойчивых типов читателей-персонажей (в терминологии В. Г. Белинского, *верхоглядов* и *староверов*, *людей движения* и *детей известной доктрины*), которые на страницах прозаических и драматических произведений А. П. Чехова с разной степенью компетентности (претенциозно, самоуверенно, глупо, простодушно, пламенно) судят о героях, о сочинениях, о литературном мастерстве завершившего уже свой жизненный путь И. С. Тургенева.

Ключевые слова: читатели-персонажи, типы читателей, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, А. П. Чехов.

**“He Is a Very Good Writer. And How He Wrote About Love!”:
A. P. Chekhov’s Readers-Characters on I. S. Turgenev**

V. V. Prozorov

Valeriy V. Prozorov, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, prozorov@sgu.ru

The article presents a wide panorama of consistent types of readers-characters (in V. G. Belinsky’s terminology – *shallow people* and *Old Believers*, *people of action* and *children of a certain doctrine*), who on the pages of A. P. Chekhov’s prose and drama works with a different degree of expertise (affectedly, presumptuously, in a silly way, artlessly, passionately) judge the characters, works, literary craftsmanship of I. S. Turgenev, whose life has already expired.

Keywords: readers-characters, types of readers, V. G. Belinsky, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-45-49>

Искусство – сфера недоказуемого, но убедительно предъявляемого. В мировом искусстве широко распространён приём намеренного удвоения другой реальности. Художники слова часто рисуют своих героев с книгой в руках. Или берутся воспроизводить их читательские впечатления-рассуждения о литературе, о писательском труде. Изображают читательские споры и пререкания. Пробуют представить себе и своим читателям правильное или, напротив, ложное отношение «потребителя» к искусству. В самом литературном произведении наглядно (подчас смешно, озорно, грустно, проникновенно – по-разному) воспроизводится тот самый эффект, который зовётся

«ответным пониманием»¹. Внутри литературного текста по его внутренним же законам рождается и начинает жить в вольном игровом пространстве² «персонаж-читатель»³. В нем очень часто сфокусировано художественно-образное представление автора об устойчивых читательских типах, о распространённых образах читательского поведения, о расщеплении читательских вкусов.

Мы обратимся к тому, как герои одного писателя по-разному воспринимают творчество другого, становящегося или ставшего для них уже классиком. И. С. Тургенев при жизни обрёл огромную литературную известность. Не стало его в 1883 г., и с той поры слава его только возрастает. В это же самое время в русскую словесность стремительно входит А. П. Чехов, сперва как юморист-пересмешник, постоянный автор журналов «Осколки», «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», с годами обретая заслуженную популярность, обращаясь к прозе о несурзном и нескладном, о необъяснимом и неразгаданном в нашей жизни, об утрачиваемых мечтах и разочаровывающей данности. Тургеневская тень неизменно сопровождала его. Кто только при жизни Чехова не сравнивал его манеру с тургеневской! Находили сходство сюжетов и мотивов, близость характеров, манеры живописания и многое другое. И. А. Бунин в воспоминаниях о Чехове приводит его насмешливо-горестное признание: «И меня допекали “тургеневскими нотами”»⁴.

Чехов вновь и вновь перечитывает Тургенева. От чего-то приходит в восторг («Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”! <...> Просто гениально»⁵), что-то нравится меньше или вовсе не нравится. Писательский суд, случается, весьма субъективен. Художник оценивает своих предшественников и современников в свете дорогих ему собственных литературных исканий и обретений. Часто многим персонажам Чехов доверял самые разные суждения о Тургеневе. Герои Чехова то и дело, прямо или косвенно, мимоходом, но с особым значением оглядываются на Тургенева, откликаются на его творчество, припоминают его строки, высказывают оценки, исполненные почтения и любви, а ещё чаще, особенно не задумываясь, предлагают наивные, безапелляционные суждения и пустые, конфузные приговоры. Попробуем в них разобраться.

Читательский мир во все времена по видимости хаотичен: читаем и перечитываем, что хотим; чувствуем и понимаем, как можем... Но хаос этот по-своему интересно организован.



Редко случается вспоминать о том, как в своё время В. Г. Белинский в цикле статей о Пушкине предложил гибкую, динамичную и в высшей степени перспективную классификацию устойчивых читательских интересов и привязанностей. Перспективную в том смысле, что она и нас самих способна объяснить в наших повседневных отношениях с художественной словесностью и – шире – со всеми искусствами мира⁶.

Белинский дал развёрнутую характеристику *староверам* и *верхоглядам* и каждому из этих распространённых читательских (и зрительских) типов нашёл соответствующие группы вольных или невольных лидеров-поводырей. Это *дети известной доктрины* и *люди движения*. Присмотримся к интересной классификации.

Староверы – категория читателей без чётких возрастных границ. Они лишены эстетического вкуса не от природной невосприимчивости к прекрасному, а из-за благоговения перед авторитетами: «Привыкнув с молодости слышать, что такой-то писатель велик, они не заботятся узнать, почему он велик и точно ли он велик, и готовы считать безбожником всякого, кто осмелился бы усомниться в величии этого писателя»⁷. Привычное желание располагать литераторов по ранжиру с обязательным вручением авторитетнейшим из них пальмы первенства прямо пропорционально угрюмому отношению староверов к новым талантам.

Белинский пробует разобраться в характере умозаключений «староверов», в нравственных мотивах их литературных приговоров: «В продолжение почти пятнадцати лет все *привыкли* к имени Пушкина и к его славе, а потому все и *поверили* наконец, что Пушкин – великий поэт. Но от этого дело не исправилось для будущих поэтов, и их всегда будут принимать не с одними кликами восторга, но и с свистками и с камнями, до тех пор, пока не *привыкнут* к их именам и их славе»⁸. Свои «староверы» исправно появляются в каждой последующей литературно-культурной эпохе. Вспоминается поручик в отставке Илья Шамраев из чеховской «Чайки», рассуждающий о старых и новых театральных талантах: «Пашка Чадин! Таких уж нет теперь. Пала сцена <...> Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни» (С XIII, 12).

Метко аттестует Белинский и другую читательскую категорию – **верхоглядов**, «мудрое правило» которых сформулировано им с афористической краткостью: «Все новое хорошо, потому что оно новое, а все старое дурно, потому что оно – старое»⁹. Если «староверы» – люди *привычки*, то «верхогляды» – поборники *моды*. Подобно «староверам», для которых важен гипноз имени, «верхоглядов» интересуют не сами по себе творения носителей моды, но сопутствующая им шумная слава. «Верхогляд» читает только новое, хотя бы оно состояло из сущих пустяков: «Новый водевиль, пустой и ничтожный <...> для

них важнее и “Бориса Годунова” Пушкина, и “Горя от ума” Грибоедова, и “Ревизора” Гоголя»¹⁰.

«Староверам», по Белинскому, противопостоят те приверженцы старины, которые отстаивают старое против нового в силу своей привязанности к определенной художественной школе, к принципам, в которых довелось им воспитываться. Главное их отличие – в сознательном отношении к старым авторитетам. Они внутренне доказательно убеждены в правоте старого: именно они, **дети известной доктрины**, задают тон бессознательно внимающим им массам «староверов».

Большого уважения, по Белинскому, достойна другая односторонность – **люди движения**. Их отличие от «верхоглядов» – приверженцев моды – тоже принципиально. Им по-настоящему дорого новое литературное явление, но в увлечении они достигают крайностей и готовы отрицать всякую заслугу со стороны прежних писателей. Это, как утверждал Белинский, фанатики не нового имени, а «новой мысли, нового созерцания, нового духа»¹¹. Искренность и увлечённость их заслуживают уважения, несмотря на их крайности и односторонние убеждения. Чеховский Константин Треплев из «Чайки» пламенно восклицает: «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» (С XIII, 8). Его мать Ирина Николаевна Аркадина с не менее жёстким категоризмом именуется творческие пробы сына «декадентским бредом» (С XIII, 15).

Психологию разных читательских типов Белинский связывает с непреходящей проблемой преемственности и новаторства в искусстве. Убеждённым поборникам традиционного («детям известной доктрины») противопостоят неумолимые сторонники новых форм и идей («люди движения»). И тем и другим сопутствует масса читателей, которая уже без их сознательной убеждённости, слепо и ожесточённо поклоняется своим кумирам, всё равно ушедшим в прошлое («староверы») или вновь обретенным («верхогляды»).

Белинского специально не занимал процесс перехода из одного типового читательского состояния в другое. Между тем очевидно, что многим из тех, кто в юности был, по терминологии критика, «человеком движения», в зрелые лета суждено плавно пополнить разряд «детей известной доктрины». Вчерашний «верхогляд» может с годами превратиться в упрямого «старовера». Накапливающийся эстетический опыт даёт возможность «верхогляду» стать «человеком движения», а «староверу» – сознательным поборником «известной доктрины». Граница между читательскими типами, намеченными Белинским, зыбкая, но она безусловно существует, постоянно напоминая о себе в реальной жизни.

С этой точки зрения представляют большой интерес пёстрые чеховские герои в их отношениях с часто припоминаемым ими Тургеневым. Тургенев не даёт покоя героям и героиням Чехова, его рассказчикам и репортёрам-повествователям.



Отмеченные Белинским доминанты читательских увлечений просматриваются наглядно и убедительно. То типичными «верхоглядами» смеха ради пишутся легкомысленные статейки, где в нелепом названии – поверхностное созвучие слов «Тургенев и тигры» (С XVII, 86). То объявляются на обёртках карамелек портреты Тургенева, Толстого, Достоевского, и Антон Павлович замечает писательнице Лидии Авилловой: «Чехова ещё нет? Странно! Успокойтесь: скоро будет»¹².

Институтка Наденька («Каникулярные работы Наденьки N») – на манер легкомысленных «верхоглядов» – в сочинении «Как я провела каникулы?» простодушно сообщает: «...прочла много книг и между прочим Мещерского, Майкова, Дюму, Ливанова, Тургенева и Ломоносова». И далее, без особых переходов, присовокупляется искусная зарисовка: «Природа была в великолепии. Молодые деревья росли очень тесно, ничей топор ещё не коснулся до их стройных стволов, не густая, но почти сплошная тень ложилась от мелких листьев на мягкую и тонкую траву, всю испещрённую золотыми головками куриной слепоты, белыми точками лесных колокольчиков и малиновыми крестиками гвоздики». Здесь автор делает язвительное примечание: «похищено из “Затишья” Тургенева» (С I, 25).

Герой рассказа-«эскиза» «Безнадёжный» председатель земской управы Егор Шмахин решает от нечего делать что-нибудь почитать, случайно берёт в руки журнал «Современник» за 1859 год, перелистывает его: «“Дворянское гнездо”... Чьё это? Ага! Тургенева! Читал... Помню... Забыл, в чём тут дело, стало быть, ещё раз можно почитать... Тургенев отлично пишет... мда...». Через десять минут Шмахин храпел...» (С III, 222).

В рассказе («сценке») «Контрабас и флейта» два приятеля-музыканта затевают на ночь нехитрые словесные пререкания: «Бросьте книгу!» – «Нет, я привык всегда перед сном читать». – «А что вы читаете?» – «Тургенева». – «Знаю... читал... Хорошо пишет! Очень хорошо! Только, знаете ли, не нравится мне в нем это... как его... не нравится, что он много иностранных слов употребляет. И потом, как запустится насчет природы, как запустится, так взял бы и бросил! Солнце... луна... птички поют... чёрт знает что! Тянет, тянет...» – «Великолепные у него есть места!..» – «Ещё бы, Тургенев ведь! Мы с вами так не напишем. Читал я, помню, “Дворянское гнездо”... Смеху этого – страсть! Помню, например, то место, где Лаврецкий объясняется в любви с этой... как её?... с Лизой... В саду... помните? Хо-хо! Он заходит около неё и так и этак... со всякими подходцами, а она, шельма, жеманится, кочевряжится, канителит... убить мало!» Завязывался спор. Флейтист пытается объяснить. Но не тут-то было. Контрабасист твёрдо стоит на своём: «Какой образованный нашёлся! Тургенев, Тургенев... Да что Тургенев? Хоть бы и вовсе его не было» (С IV, 191–192).

Небольшой рассказ «В ландо» – целое соцветие разных читательских отношений к только что ушедшему в иной мир Тургеневу. И вновь угадываются открытые Белинским читательские типы. С поправкой на то, что точное писательское перо сложнее и искуснее любой типологии. Беззаботный и безнадёжный пошляк («старовер!») барон Дронкель допытывается у сестёр Брындиных, Кати и Зины, дочерей действительного статского советника: «Mesdames, скажите откровенно, приложу руку к сердцу, нравится вам Тургенев? <...> Всем, кого ни спрошу, нравится, а мне... не понимаю! Или у меня мозга нет, или же я такой отчаянный скептик, но мне кажется преувеличенной, если не смешной, вся эта галиматья, поднятая из-за Тургенева... Писатель он, не стану отрицать, хороший... Пишет гладко, слог местами даже боек, юмор есть, но... ничего особенного... Пишет, как и все русские писаки» (С II, 242–243).

Самоуверенному барону с восторгом неопита оппонирует Катя: «Он очень хороший писатель. А как он про любовь писал! <...> А природу как он описывал!» (С II, 243). Зина, беспечно путая Тургенева с Гончаровым, невпопад вмешивается в диалог: «А вы читали его “Обломова”? <...> Там он против крепостного права!» И только их кузина, робкая провинциалка Марфуша, ощущая всю нелепость затеянного бароном разговора, решает гневно прошептать: «Попросите его, чтоб он замолчал. Ради Бога!» (С II, 243). Но барон не унимается: «Говорят также, что он [Тургенев] имел большое влияние на развитие нашего общества <...>. Откуда это видно? Не вижу этого влияния, грешный человек. На меня, по крайней мере, он не имел ни малейшего влияния» (С II, 244).

Литератор Макар Кургузов (рассказ «Весной») остро чувствует своё одиночество в этом мире: «...во всём уезде никто ничего не читает или читает так, что лучше бы совсем не читать» (С V, 56). Многозначителен фрагмент рассказа, не вошедший в итоговый текст: «Раз он, не называя Тургенева, прочитал ей [одной из знакомых женщин] “Певцов” из “Записок охотника”. Она покрутила носом и сказала: “Какая чепуха! И неужели за это платят деньги?”» (С V, 508).

Но появляются уже и те, кто уверовал в Тургенева, кто воспринимает его как признанного мастера слова. Склонный к сытым и высокопарным разглагольствованиям адвокат Лысевич (повесть «Бабе царство»), «по его словам, любил Тургенева, певца девственной любви, чистоты, молодости и грустной русской природы <...>» (С VIII, 286).

Однажды офицер Горный поведал шестнадцатилетней Наде Зелениной (из вариантов рассказа «После театра»): «Музыкальная пьеса, как и всякое художественное произведение, должна заключать в себе идею. Если идеи нет, то произведение ничтожно». В тургеневском «Накануне» Надя не нашла никакой идеи, и ей неловко было сознаться в этом (С VIII, 353).



Скучающая претенциозная помещица Ариадна Котлович (рассказ «Ариадна») «уверяла, что Болеслав Маркевич лучше Тургенева. Но она была дьявольски хитра и остроумна, и в обществе умела казаться очень образованным, передовым человеком» (С IX, 128). В финале рассказчик сообщает: «Познакомилась и я с ней. Она крепко-крепко пожала мне руку и, глядя с восхищением, поблагодарила сладко-певучим голосом за то удовольствие, какое я доставляю ей своими сочинениями. "Не верьте, – шепнул мне Шамохин, – она ничего вашего не читала"» (С IX, 132).

Ветеринарный врач Чимша-Гималайский (рассказ «Человек в футляре»), сообщая историю про пугливого и склонного к доносу учителя греческого языка Беликова, державшего в страхе провинциальный город, замечает: «Мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели...» (С X, 44).

Чехов очень внимателен и к «детям известной доктрины», и к бездумно внимающим им «староверам». В пронизанных изящным скепсисом рецензионных откликах на гастроли Сары Бернар в Москве в 1881 г. он пишет о взыскательной московской публике, о «знатоках, ценителях и любителях» с устоявшимися вкусами, которым «угодить очень трудно». В Саре Бернар наша публика не увидела того, что она ценит прежде всего: «... играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цель её – поразить, удивить, ослепить. <...> Во всей игре её просвечивает не талант, а гигантский, могучий труд <...> Были местечки в её игре, которые трогали нас почти до слёз. Слёзы не потекли только потому, что вся прелесть стужёвывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамеренного фокусничества, подчёркивания, мы, честное слово, заплакали бы и театр содрогнулся бы от рукоплесканий...» (С XVI, 15, 17).

Аттестуя таким образом традиционные ценностные привязанности русской аудитории (естественность, искренность, пронзительная душевная сила), Чехов пишет о публике, избалованной «игрой покойных Садовского, Живокини, Шумского, часто видящей игру Самарина и Федотовой, воспитанной на Тургеневе и Гончарове <...>» (С XVI, 15). Как заметит московский помещик Шамохин («Ариадна»): «Русский актёр не умеет шалить, он в водевиле играет глубоко-мысленно <...>» (С IX, 107).

Пылкие упования чеховских персонажей, близких по своим характеристикам к «людям движения», связаны с искренними увлечениями Тургеневым, судьбами героев его романов. Прекраснодушная, двадцатилетняя Лёля NN (рассказ «Дачница») «убеждена, что, выйдя из института, она неминуемо столкнётся с тургеневскими и иными героями, бойцами за правду и прогресс, о которых впергонку толкуют все романы...» (С III, 12). Жизнь разочаровывает её. Муж Лёли,

о котором только и известно, что служит он в некоем «Страховом обществе» и склонен говорить пошлости, при этом неизменно оказываясь «умнее всех гостей», изрекает: «Нет у нас хороших писателей!». Убеждение своё «вынес он не из книг. Он никогда ничего не читает – ни книг, ни газет. Тургенева смешивает с Достоевским», о Пушкине сообщает, что у него «есть очень смешные вещи» (С III, 12).

Проезжий Алексей Зайцев (из неоконченного: рассказ «Ночь перед судом»), оказавшись на почтовой станции, мечтает о дорожных приключениях: «Иной раз едешь и на такой роман наскочишь, что ни у какого Тургенева не вычитаешь...» (С XII, 224). В сцене прощания с Еленой Андреевной Астров («Дядя Ваня») безнадежно уговаривает: «Останьтесь, прошу вас. Сознаться, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем – это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы... Поэтично, по крайней мере, даже осень красива... Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева» (С XIII, 110).

Беллетрист Борис Тригорин («Чайка»), настойчиво подстрекаемый пылкими расспросами Нины Заречной, принимается рассуждать о цене читательского признания. Избалованный славой, он признаётся в сладостной горечи своей работы: «Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно, но... едва вышло из печати, как я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и мне досадно, на душе дрянно... (Смеется.) А публика читает: "Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого", или: "Прекрасная вещь, но «Отцы и дети» Тургенева лучше". И так до гробовой доски всё будет только мило и талантливо, мило и талантливо – больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: "Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева"» (С XIII, 30).

Тень Тургенева вновь объявится в финале «Чайки». В последнем свидании с Треплевым Нина скажет: «Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь всё снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я всё ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем. <...>/.../ Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите – ветер? У Тургенева есть место: "Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть тёплый угол". Я – чайка... Нет, не то. (Трёт себе лоб.) О чем я? Да... Тургенев... "И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам"... Ничего. (Рыдает.)» (С XIII, 57). Нина припоминает строки из тургеневского «Рудина». В эпилоге романа, в осеннюю холодную ночь, после грустного расставания Дмитрия Рудина с Михаилом Лежневым, звучит проникновенный



авторский голос, точно воспроизводимый Заречной. Одно только тургеневское уменьшительно-ласкательное «тёплый уголок» заменит она на другое, без всякого сентиментального привкуса, куда более подходящее в её положении и состоянии, твёрдое, определённое, ею уже утраченное – «тёплый уголок».

В пёстром хоре голосов очень разных чеховских персонажей, откликающихся на присутствие в их жизни Тургенева, героев его романов, его повествовательной манеры, проступают пронизательно обозначенные Белинским вечные типы читательских отношений к художественной словесности. Жизнь себе идёт, а узнаваемые голоса «староверов», «верхоглядов», «детей известной доктрины», «людей движения» вновь и вновь напоминают о себе. Напоминают о том, как разнообразна и многозвучна, как смешна и трогательна, как грустна наша публика, наша сборная читательская аудитория – во все времена.

Примечания

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 94.

² См.: Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988. С. 281–285.

³ Чернец Л. Читатель // Введение в литературоведение : учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М., 2004. С. 560.

⁴ Бунин И. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / вступ. ст. А. Туркова ; сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М., 1986. С. 492.

⁵ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1983. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. Т. 5. С. 174. В дальнейшем произведения А. П. Чехова цитируются по этому изданию; в скобках буквой «С» обозначаются Сочинения, «П» – Письма, римской цифрой – том, арабской – страница.

⁶ См.: Прозоров В. Другая реальность. По страницам литературной классики. Саратов, 2005. С. 73–95.

⁷ Белинский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М., 1956. С. 359.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 358.

¹⁰ Там же. С. 360.

¹¹ Там же. С. 361.

¹² Авилова Л. А. П. Чехов в моей жизни // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 197.

Образец для цитирования:

Прозоров В. В. «Он очень хороший писатель. А как он про любовь писал!»: Читатели-персонажи А. П. Чехова об И. С. Тургеневе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-45-49>

Cite this article as:

Prozorov V. V. “He Is a Very Good Writer. And How He Wrote About Love!”: A. P. Chekhov’s Readers-Characters on I. S. Turgenev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 45–49 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-45-49>